

Майя
Волчкевич

«Дядя Ваня»

СЦЕНЫ
ИЗ НЕПРОЖИТОЙ
ЖИЗНИ

Майя Анатольевна Волчкевич

«Дядя Ваня». Сцены

из непрожитой жизни

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55328827

«Дядя Ваня». Сцены из непрожитой жизни: ПРОБЕЛ-2000; Москва;

2010

ISBN 978-5-98604-189-6

Аннотация

Книга посвящена знаменитой пьесе «Дядя Ваня», оказавшейся, как никакая другая пьеса Чехова, созвучной сегодняшнему дню. Сквозь утаенное автором прошлое делается попытка разгадать «непрожитую жизнь» главного героя и всей семьи Войницких. Книга адресована всем, кого интересует творчество Чехова и его присутствие в современном мире.

Содержание

А. П. Чехов. «Дядя Ваня»	5
Вместо предисловия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Майя Волчкевич
«Дядя Ваня». Сцены
из непрожитой жизни

© М. А. Волчкевич, 2010 г.

* * *

А. П. Чехов. «Дядя Ваня»

Сцены из деревенской жизни в четырех действиях

Действующие лица

Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27-ми лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака.

Войницкая Мария Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Войницкий Иван Петрович, ее сын.

Астров Михаил Львович, врач.

Телегин Илья Ильич, обедневший помещик.

Марина, старая няня.

Работник.

Действие происходит в имении Серебрякова.

Вместо предисловия

Давно замечено, что пьесы Чехова начинают явственнее звучать в определенные времена. Каждая из них отчетливо выявляет изменения и настроение сегодняшнего дня.

В пьесе «Дядя Ваня» «отсутствие воздуха» и замершее течение жизни, кажется, медленно душит героев. Именно в этой пьесе звучат слова, которые давно стали афоризмом, приписанные самому Чехову, но сказанные лишь его героем: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». И в этой же пьесе почти все герои, принадлежащие образованному сословию, казнят молчанием, обвиняют, ненавидят близких.

Что скрывает за собой история Ивана Петровича Войничского, чьим именем названа пьеса, которую Чехов не удостоил определения «драма»?

Чем объяснить слепое обожание Войничскими заурядного профессора Серебрякова, изменившее жизнь всей семьи на много десятилетий? Справедливы ли обвинения дяди Вани, адресованные профессору Серебрякову, что тот обманул его?

Что скрывает прошлое этой семьи? Какую роль сыграла в скрытом прошлом незаметная, на первый взгляд, героиня, вдова тайного советника, Мария Васильевна? И, наконец, кто обрек героев этой пьесы на приживальство в соб-

ственном огромном имении, где они работают «как приказчики»?

Отказала ли судьба героям пьесы в счастье или они сами уклонились от судьбы?

Размышлению над этими вопросами посвящена книга о «непрожитой жизни».

Написав пьесу «Дядя Ваня», Чехов снова поступил вопреки всем правилам – уклонился от определения жанра как такового. В «сценах из деревенской жизни» в финале не звучал выстрел, как в комедии «Чайка».¹

В конце третьего действия главный герой, с криком о том, что из него «мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский», гонял пожилого родственника, профессора, по комнатам, стреляя в него из револьвера. Однако промахивался.

Так же, как и с выбором кумира своей жизни.

* * *

Пьеса названа – «Дядя Ваня». Дядей Ваней Войницкого называет лишь Соня, дочь его покойной сестры. Действие пьесы происходит в имении, которое принадлежит Соне. Однако и дядя, и племянница живут там отнюдь не как владельцы, но как приказчики и управляющие хозяйством, призванном приносить доходы. Доход от имения предназна-

¹ Все цитаты из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» (Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения. Т. XIII, М., 1978) даются в тексте курсивом.

ется отцу Сони, профессору Серебрякову.

Ответ на вопрос, отчего вся семья Войницких, в полном составе, добровольно обрекла себя на многолетнее и бескорыстное служение Серебрякову и его благу, может быть, таит разгадку этой пьесы, всегда привлекавшей театр, но в какие-то времена, как магнит, притягивавшей режиссеров.

* * *

История семьи Войницких, события, происшедшие несколько десятилетий назад может быть скрытым основанием, без которых трудно понять побудительные мотивы персонажей пьесы. Иначе размышления о поступках или бездействии героев как будто повисают в воздухе, не имея под собой твердой почвы.

* * *

Иван Петрович Войницкий, чья скудная событиями жизнь свелась к заботам о постном масле и гречневой крупе, конторским книгам и безрадостной деятельности приказчика – сын тайного советника и сенатора. Звание члена Правительствующего Сената относилось к высшим почетным званиям Российской империи. Сенаторами могли быть министры и товарищи министра. Согласно Табели о рангах, чин

тайного советника в девятнадцатом веке соответствовал третьему классу и мог быть приравнен к генеральскому чину. Почти наверняка, Войницкий получил воспитание, подобающее его происхождению и особенному положению его семьи.

В повести «Моя жизнь» отец Мисаила Полознева, провинциальный городской архитектор, постоянно толкует сыну о том, что тот не должен ни одного дня оставаться без общественного положения, о «святом огне», который добывался предками, о дяде, предводителе дворянства и прадеде – генерале, о том, что Мисаил этот святой огонь «погасил».

Отторжение Мисаила Полознева от своего отца и образа мыслей и деятельности, присущей его кругу, понятно. Жестокосердие и фальшь показной нравственности, которая царила в доме Полозневых, заставляют героя, дворянина, не окончившего даже гимназии, искать себя среди людей физического труда.

Елена Андреевна укоряя Войницкого, говорит ему: «*Вы, Иван Петрович, образованны и умны...*». Вряд ли здесь идет речь о самообразовании или гимназическом образовании. Елена Андреевна – жена знаменитого профессора, сама училась в консерватории. Мерилом образованности для нее мог быть только университет или иное высшее учебное заведение. Для чеховских героев диплом университета чрезвычайно значим, он обязывает человека. Однако сам дядя Ваня никогда не вспоминает о своей юности, равно как и о том,

что заставило образованного и умного человека посвятить себя торговле постным маслом, горохом и творогом.

* * *

Можно предположить, что Войницкий, подобно Мисаилу Полозневу, равнодушен к титулам и высоким званиям своего отца, лишен честолюбивых устремлений и сословных пред-
рассудков.

Однако, пытаясь разгадать секрет жизненного успеха профессора Серебрякова, Войницкий с недобрый и недемократичным чувством замечает: *«Ты только подумай, какое счастье! Сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, стал его превосходительством, затем сенатора и прочее, и прочее»*. Сам дядя Ваня не добивался ученых степеней и кафедры, однако чувствует зависть к профессору и считает, что тот не заслужил такого «счастья». На протяжении всей пьесы Войницкий упрекает себя в том, что глупо распорядился своей жизнью, служа бездарному ученому и самовлюбленному эгоисту.

Однако прозрение пришло к нему совсем недавно. Во время своих обвинительных речей, адресованных профессору, дядя Ваня постоянно повторяет цифру двадцать пять: *«Двадцать пять лет я управлял этим именем, работал, высы-
лал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик...»*

Войницкому сорок семь лет. Когда он поставил себя и всю

свою жизнь на службу занятиям профессора Серебрякова, ему было чуть за двадцать. Гимназию обычно оканчивали в 18–19 лет.

Таким образом, Войницкий, так надолго и бесповоротно очаровавшийся не только личностью, но и талантом Серебрякова, вполне мог быть его студентом.

* * *

Если принять версию – Иван Петрович Войницкий был студентом Серебрякова, слушал его лекции – тогда становится понятнее горячая вера дяди Вани в то, что он служит великому учёному.

Вспомним, что дядя Ваня не только управлял имением и приумножал доходы Серебрякова, но еще переписывал его труды. По собственному признанию Войницкого, он просидел четверть века как крот в четырех стенах. Все его чувства принадлежали только Серебрякову. Днем Иван Петрович и его мать, Мария Васильевна, говорили о профессоре, о его работах, гордились им, с благоговением произносили его имя. Ночи *«губили на то, что читали журналы и книги»*.

По сути, совсем молодой человек по неизвестной причине не просто уверовал в дар Серебрякова, не только стал служить ему, но и полностью жил им, находя смысл существования в том, что составляло содержание чужой жизни.

«Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Всё-таки лучше, чем ничего», – говорит Войницкий.

Отчего не было настоящей жизни, когда он был молод и отчего миражи показались ему лучше, чем «ничего»?

О прошлом семьи Войницких никогда не говорят в этой пьесе. Так же, как умышленно укрыта покровом недомолвок, намеренных умолчаний и полупризнаний история родителей Константина Треплева и сестер Прозоровых. Однако герои постоянно отсылают своими репликами к скрытому в этом в прошлом. Можно сказать, что настоящая жизнь прошлого является драматургическим приемом Чехова, заставляющим каждого режиссера и исполнителя искать ответ на вопрос, который автором даже не задан. Однако прошлое незримо существует в пьесах Чехова наряду с настоящим.

Семейные тайны, «скелеты в шкафу», потаенные поступки – всё это не просто «фон» для настоящего, не только отсыл к истокам, но и ненайденная, скрытая причина действий и поступков героев. Причина того, почему они не вольны изменить свое настоящее, пусть и опостылевшее им.

Современный зритель не всегда представляет себе, насколько велико имение, которым владеет Соня и управляет Войницкий. Оно было куплено за девяносто пять тысяч рублей. Только в господском доме этого имения – двадцать шесть комнат. Отец Войницкого уплатил за него только семьдесят тысяч, и «осталось долгу двадцать пять тысяч». Работая, «как вол», за 25 лет Иван Петрович Войницкий выплатил эти двадцать пять тысяч.

Для сравнения, совсем небольшая усадьба Мелихово, принадлежавшая Чехову, стоила при покупке 13 тысяч рублей. Но даже этой суммы у писателя не было целиком, поэтому деньги он выплачивал по частям, заложив купленное имение в банк.

Дядя Ваня упрекает Серебрякова, что тот ни разу не догадался прибавить ему жалование, и потому он получал только 500 рублей в год. Это действительно небольшая сумма. 300 рублей в год составляла зарплата сельского учителя. Ни сам Войницкий, ни его мать, Мария Васильевна, не производят впечатления людей расточительных и привыкших жить в роскоши. Образ жизни, который они ведут, скорее можно назвать скромным. Поэтому покупка огромного имения, обремененного немалым долгом – еще одна загадка из прошлого этой семьи.

* * *

Войницкий говорит, что имение было куплено как приданое, когда его сестра выходила замуж за Серебрякова. Скорее всего, у родителей Войницкого не было родового имения. Однако всё имение было отдано сестре Войницкого, матери Сони. Более того, эта покупка стала возможной потому, что сам Войницкий отказался от своей доли наследства в пользу сестры. Таким образом, и Мария Васильевна и ее сын добровольно оставили себя без материального обеспечения. Причем ни сын, ни мать не имели иного источника дохода. У Войницкого тогда не было никакого положения в обществе. Скорее всего, он даже еще не начал служить.

Странное самопожертвование и удивительное приданое, особенно если учесть что невеста была дочерью сенатора, а будущий зять – сыном бурсака, не дворянином, а всего лишь подающим надежды молодым ученым.

* * *

Действие пьесы происходит в конце девяностых годов XIX века. Таким образом, женитьба Серебрякова на сестре Войницкого может быть отнесена к семидесятым годам того же столетия. По своему положению и званию отец Войниц-

кого принадлежал к высшим чинам столичного мира. В XIX веке в дворянской среде, а особенно в столицах, четко сохранялся принцип деления людей по их сословной и родовой принадлежности. Браки чаще всего заключались не просто между людьми своего круга, но даже с представителем определенного рода, чья семья была знатна или имела заслуги перед отечеством. Также родителями будущей невесты оценивался статус жениха, перспективы его карьерного роста, имущественное положение.

В романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», действие которого происходит в семидесятые года позапрошлого века, московская аристократка, княгиня Шербацкая, ищет для дочери не просто «хорошую, но блестящую партию». Княгине Щербацкой кажется «дикой» жизнь помещика Левина, «с занятием скотиной и мужиками». Другой герой романа, Вронский, «вполне удовлетворял желаниям матери. Очень богат, умен, знатен, на пути блестящей военно-придворной карьеры и обворожительный человек. Нельзя было ничего лучшего желать».

Сословное и родовое деление даже внутри дворянского сообщества было глубоко укоренено в сознании людей того круга, к которому принадлежал сенатор Войницкий. В «Вишневом саде» Гаев, стоящий на пороге банкротства и изыскивающий способы спасения имения, говорит: «Тетка очень богата, но нас она не любит. Сестра, во-первых, вышла замуж за присяжного поверенного, не дворянина... Вышла

за не дворянина и вела себя нельзя сказать чтобы очень добродетельно». Для помещного дворянина Гаева, равно как и для его богатой тетки, брак с не дворянином – это неравный брак, пятно для семьи, хотя действие происходит уже в начале XX века.

Поэтому восторженное отношение Войницких к браку с не дворянином, пусть и молодым профессором или приват-доцентом, человеком небогатым, незнатным и без связей, с точки зрения общепринятых ценностей удивительно и должно иметь свое объяснение.

* * *

Дворяне в пьесах Чехова, как бывало и в жизни, носят вполне обыденные фамилии – Иванов, Гаев, Телегин.

Чехов дал главному герою пьесы фамилию Войницкий. Фамилия Войницкие существовала в реальности и принадлежала старинному дворянскому роду польского происхождения. Впервые в творчестве писателя Войницева появляются в «Безотцовщине», драме, которую Чехов написал, будучи еще гимназистом. Затем фамилию Войницкий получает герой еще одной пьесы молодого Чехова, «Леший». История рода Войницевых – Войницких как будто не оставляла Чехова.

Дядя Ваня постоянно, на протяжении всей пьесы, твердит о том, что двадцать пять лет он жил миражом. Мираж сродни обману. *«И я обманут... вижу – глупо обманут...»*, – повторяет Войницкий. Обвиняя профессора, Войницкий называет его «ученым магом» и говорит, что тот «морочил» их. Однако, если принять версию дяди Вани, что Серебряков шарлатан от науки, то тогда приходится говорить о некоем невероятном, всеобщем семейном помрачении.

Сестра Войницкого любила своего мужа так, как *«могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами»*. Мария Васильевна, мать Войницкого, обожает Серебрякова и спустя двадцать пять лет, он по прежнему внушает ей священный трепет. Сам Войницкий прозрел только год назад, а до этого он тоже считал своего зятя избранным человеком. Истоки такого всеобщего, безоглядного, экстатического поклонения, по-видимому, надо искать в старшем поколении семьи Войницких.

Подобное обожание, когда чужой и чуждый по своему происхождению и образу жизни человек вдруг становится центром семьи и постепенно подменяет родных и близких, скорее свойственно женщинам, чем мужчинам. В мировой литературе подобный сюжет прежде всего напоминает о пьесе Мольера «Тартюф, или Обманщик».

Тартюф как типаж манипулятора, пользующегося слабостями других и своим умением очаровывать богатых людей, упоминается в пьесе Чехова «Иванов», причем именно в связи с темой приданого. *«Не теперь, так через год, через два, вы, чудный Тартюф, успели бы вскружить голову девочке и завладеть ее приданым...»*, – упрекает главного героя доктор Львов. Жена Иванова, Сарра, умирает от чахотки, и ее уже готова сменить влюбленная в Иванова Шурочка Лебедева. Смерть первой жены Серебрякова скрывает какую-то тайну. Известно лишь, что вторая жена профессора, Елена Андреевна, бывала в его доме еще до смерти матери Сони.

По-видимому, образ Тартюфа был интересен Чехову. Когда в 1903 году жена, Ольга Книппер, прислала ему список пьес, которые собирался ставить Художественный театр, где была пьеса А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», он заметил: «Мне кажется, эта пьеса у вас совсем не ко двору. Ведь это русифицированный «Тартюф», это крымское бордо. Уж если ставить что, то «Тартюфа», или не ставить ни той, ни другой пьесы».

«Русифицированный» Тартюф был явлен в отечественной литературе не только образом выскочки Глумова, ловкого охотника за чужим приданым, умеющего словом и делом

очаровывать ближних и дальних. Другой Тартюф, образ, не менее характерный для русского сознания – Фома Опискин из «Села Степанчикова и его обитателей» Ф. М. Достоевского (1859).

* * *

История Опискина написана Достоевским как история русского Тартюфа, которому власть над душами и умами нужна для удовлетворения болезненного тщеславия и ущемленного самолюбия, а не собственно ради выгоды и денег. Однако повесть названа не именем главного героя, но «Село Степанчиково и его обитатели». Обольщение ничтожным Опискиным целого дворянского семейства было бы невозможным, если бы в самом этом семействе не было тех черт и особенностей, которые в уродливой, карикатурной форме присущи Фоме.

В пьесе Мольера главная защитница и покровительница безродного Тартюфа – святоша госпожа Пернель, мать хозяйина дома. Она убеждена, что Тартюф – это кладезь добродетелей, и всячески внушает это своему сыну. В повести Достоевского корни порабощения семьи Фомой лежат в отношениях матери, генеральши Крахоткиной и ее сына, полковника Ростанева.

О Ростаневе в повести говорится, что трудно было представить человека добрее. Когда Ростанев был молод, его мать

долго не давала согласие на женитьбу сына, укоряя его в эгоизме, в неблагодарности, доказывала, что «имения его, двухсопятидесяти душ, и без того едва достаточно на содержание его семейства (то есть на содержание маменьки, со всем ее штабом приживалок, мосек, шпицев, китайских кошек и проч.), и среди этих укоров, попреков и взвизгиваний вдруг, совершенно неожиданно, вышла замуж сама». Овдовев, генеральша переехала к сыну, по-прежнему попрекая его в неблагодарности и постоянно испытывая его почитательность. Вместе со штатом мосек, шпицев и китайских кошек в усадьбе Ростанева, доставшимся ему по наследству, появился приживал Фома Опискин.

«Представьте же себе теперь вдруг воцарившуюся в его тихом доме капризную, выживавшую из ума идиотку, неразлучную с другим идиотом – ее идолом, боявшуюся до сих пор только своего генерала, а теперь уже ничего не боявшуюся и ощутившую даже потребность вознаградить себя за свое прошлое, – идиотку, перед которой дядя считал своей обязанностью благоговеть уже потому только, что это была мать его», – пишет Достоевский.

Вспомним, что высокообразованный профессор Серебряков, без гнева и как само собой разумеющееся, называет свою тещу, вдову сенатора, «старой идиоткой».

Характерно, что, хотя сын бурсака Серебряков является знаменитым профессором, а сын дьячка Фома Опискин – приживалом в барском доме, стезя их интересов и устремле-

ний, цель их мечтаний совпадает – они оба толкуют об изящной словесности и грезят о славе. Серебряков писал и читал лекции о литературе и искусстве, Фома имеет претензию считать себя сочинителем. «Я знаю, он серьезно уверил дядю, что ему, Фоме, предстоит величайший подвиг, для которого он и на свет призван и к свершению которого понуждает его какой-то человек с крыльями, являющийся ему по ночам, или что-то вроде того. Именно: написать одно глубоко-мысленнейшее сочинение в душеспасительном роде, от которого произойдет всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия...» «Всё это, разумеется, обольстило дядю», – рассказывается в повести «Село Степанчиково и его обитатели».

Вера в великое предназначение Серебрякова тоже обольстила Войницкого. Говоря о характере своего героя, рассказчик замечает, что полковник Ростанев был «один из тех благороднейших и целомудренных сердцем людей, которые даже стыдятся предположить в другом человеке дурное, торопливо наряжают своих ближних во все добродетели, радуются чужому успеху, живут таким образом постоянно в идеальном мире...» Кроме того, в повести говорится, что Ростанев благоговел перед словом «наука» или «литература» самым наивным и бескорыстнейшим образом, хотя сам никогда и ничему не учился: «Это была одна из его капитальнейших и невиннейших странностей».

«Капитальнейшая и невиннейшая странность» – благого-

вление перед словом «наука» и «литература» – кажется, это сказано и о Войницком. Этой капитальнейшей странности Войницкий посвятил все свои труды и дни, воздвигнув на пьедестал своего зятя, Серебрякова. История взаимоотношений генеральши Крахоткиной и ее сына, история этой семьи не только предвещает удивительные события, происшедшие в селе Степанчиково, но и объясняет их. Без нее сюжет о российском Тартюфе, заставившем трепетать перед собой своих благодетелей, не имел бы под собой почвы. Чехов предпочел истоки драмы семьи Войницких скрыть, однако представил не менее удивительные «Сцены из деревенской жизни».

* * *

Тема взаимоотношений отцов и детей в произведениях Чехова выявляет характерную закономерность. Если под таким углом зрения попытаться перечитать многотомное собрание сочинений Чехова: юмористику, рассказы, повести, драматургию, то картина предстанет поистине удивительная.

За несколькими исключениями (равнодушный к своей матери лакей Яша в «Вишневом саде», Аксинья в повести «В овраге»), родители виноваты перед своими детьми – в себялюбии, немилосердии, сердечной глухоте, деспотизме. Мисаил и Клеопатра Полозневые и их жестоковыйный отец-архитектор в «Моей жизни», отец Лаптева в повести «Три го-

да», Орлов и его маленькая дочь в «Рассказе неизвестного человека», Раневская и Варя с Аней в «Вишневом саде», родители Сарры в «Иванове».

Очевидно, что истоки такого взгляда на отношения отцов и детей лежат в семейной истории Чеховых. Писатель был далек от того, чтобы искать прототипы для своих героев среди своих родных, однако тема губительности семейного деспотизма и влияния его на всю последующую жизнь тревожила и никогда не оставляла его.

Знаменитая цитата из письма брату Александру от 2 января 1889 года весьма красноречива: «Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой <...> Деспотизм преступен трижды. Если страшный суд не фантазия, то на этом суде ты будешь подлежать синедриону в сильнейшей степени...»

* * *

Мысль о незначительности собственной жизни и необходимости жертвовать всем во имя того, кто является существом избранным, вряд ли могла стать основополагающей для молодого Войницкого, если вера в это не была внушена

ему еще в детстве.

«Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием», – говорит в «Трех сестрах» Андрей Прозоров, очень скоро нашедший нового домашнего «угнетателя» и всеобщего семейного деспота, жену Наташу.

Бездарный, но вполне преуспевающий архитектор Полознев в повести «Моя жизнь», толкующий о святом огне и духе божьем и обожающий лишь себя, «быстро и ловко, привычным движением» в споре бьет взрослого сына по щекам. «В детстве, когда меня бил отец, я должен был стоять прямо, руки по швам, и глядеть ему в лицо. И теперь, когда он бил меня, я совершенно терялся и, точно мое детство всё еще продолжалось, вытягивался и старался смотреть прямо в глаза», – говорит Мисаил Полознев.

В комедии «Вишневый сад» мать Ани и Вари, очаровательная, чувствительная Раневская, живет с таким размахом и в такой роскоши, что приводит своих детей и свой дом к полному банкротству. Забирая последние деньги, которых могло хватить надолго, а ей, как она сама признается, «хватит ненадолго», она с легкостью жертвует будущим дочерей. Варе и Ане придется нелегким трудом зарабатывать себе на жизнь.

Герой повести «Три года», купец Алексей Лаптев, вспоминает о своем детстве: «Я помню, отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, про-

сыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня?» Характеризуя отца Лаптева, Чехов находит тот же эпитет, что и для архитектора Полознева – обожать себя: «Это хвастовство, этот авторитетный подавляющий тон Лаптев слышал и 10, и 15, и 20 лет назад. Старик обожал себя...»

Деспотичное, авторитарное отношение к детям уживается в этих чеховских героях с почти благоговейным отношением к своим чувствам, своим мнениям, своим пристрастиям и привычкам.

* * *

Марию Васильевну Войницкую, вдову тайного советника, мать первой жены профессора, принято играть, пользуясь словами Елены Андреевны, как «нудное, эпизодическое лицо». Нудным, бессмысленным кажется ее вечное присловье сыну: «Слушайся Александра». Точно также может показаться, что эпизодична сама роль Марии Васильевны в той драме, которая разыгрывается на сцене.

Недалекая пожилая дама, чья слепая вера в гений Серебрякова, на первый взгляд, лишь оттеняет горечь и крушение иллюзий главного героя, – не так проста. Сам главный герой говорит о своей матери весьма непочтительно: *«Моя старая галка, татап...»*

Безумное раздражение Войницкого вызывают лишь два персонажа этой пьесы: профессор Серебряков и Мария Ва-

сильевна. Если мать для Войницкого «старая галка», то отставной профессор – «старый сухарь, ученая вобла». Однако вспомним, что «ученую воблу» Войницкий обожествлял почти всю сознательную часть своей жизни, и теперь не может простить себе своей слепоты и жертвенности. Отсюда ядовитость наименований, которыми Войницкий награждает профессора. Равно как только ограниченность и верность своим привычкам немолодой женщины вряд ли могла вызвать такие безжалостные слова, отнесенные сыном к Марии Васильевне: *«...всё еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни»*. Очевидно, что счет Войницкого к матери не меньший, чем к Серебрякову, и его грубость не может быть объяснена лишь бытовым раздражением нервов, усталостью и подавленным настроением.

* * *

В кульминационный момент яростного предъявления счетов своему прошлому, когда Войницкий кричит: *«Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...»*, он вдруг обращается именно к матери: *«Я зарапортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!»*

В этом обращении и детская беспомощность, вечная привычка взрослого сына поступать по воле матери, ужас от

ослушания и апелляция к той, которая силой своего воображения и веры могла лепить из близких великих людей. Однако матушка тоже остается верна себе, не слыша отчаяния сына, она призывает его к вечному послушанию, строго указывая: *«Слушайся Александра!»*

Для зрителя такая реплика может прозвучать даже комично, как совершенно несоответствующая ситуации и настроению всей сцены. Однако для Войницкого она звучит как подтверждение одной лишь истины, которую ему вдалбливали всю жизнь – не существует его воли и желаний, они ничтожны, его предназначение – слушаться.

Сорокасемилетний Войницкий восклицает, опять же обращаясь к матери: *«Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать!»* Диалог Войницкого с Марией Васильевной – это не просто, как часто бывает у Чехова, диалог «глухих». Он обнажает сердцевину их отношений. Услышав реплику Марии Васильевны и испугавшись услышать ее еще раз, не находя отклика на самые важные для него вопросы, обращенные прежде всего к самому себе, Иван Петрович бросается за револьвером.

При всем действительном драматизме действия и искренности чувства Войницкого, последующая сцена с погоней и выстрелами является тем самым непроявленным бунтом против указующего перста старших, который так остро отстаивается самостоятельное право на «я сам знаю, что мне делать». Такие бунты обычно переживаются в ранней юно-

сти, и зачастую сопровождаются отчаянными словами, жестами и поступками. Иван Петрович Войницкий, и в этом тоже грустная насмешка судьбы, позволил его себе почти в пятьдесят лет.

* * *

Можно задать вопрос – сколько лет персонажам пьесы «Дядя Ваня»? Под крышей одного дома собрались члены одной семьи, почти каждый из которых вздыхает о прошлом, или об упущенных возможностях прошлого, и, кажется, ни один не устремлен в будущее. Действие сцен из деревенской жизни происходит в середине 90-ых годов XIX столетия. В списке действующих лиц лишь о Елене Андреевне, жене профессора, сказано – 27-ми лет.

С разговора о времени начинается пьеса. Астров спрашивает няню Марины, сколько лет они знакомы, и сильно ли он изменился с тех пор.

Войницкий говорит, что профессор двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Университет обычно заканчивали в 23–24 года. Например, Чехов, дважды остававшийся в гимназии на второй год, поступил в Московский университет в 1879 году и получил диплом в 1884 году.

Подающий надежды Серебряков мог быть сразу оставлен при университете, таким образом «старик», «старый су-

харь», как любит именовать его бывший шурин, может быть пятидесятилетним человеком. Чуть старше самого Войницкого, которому сорок семь лет.

Реплика об отставном профессоре Серебрякове, который двадцать пять лет жует чужие мысли и пишет об искусстве, ничего не понимает в искусстве, звучит и в комедии «Леший», созданной в 1889–1890 годах.

Серебряков из «Лешего» и Серебряков из «Дяди Вани» ровесники, время действия пьесы в таком случае имеет более размытые границы. Серебрякову за пятьдесят, но не больше пятидесяти пяти лет. В данном случае, в заблуждение вводят реплики Войницкого, высмеивающие пожилого профессора, и то, что для эпохи конца XIX столетия пятидесятипятiletний человек – это скорее, старый человек. Не случайно, что в постановках XX века, особенно его второй половины, Серебрякова играли много старшим его возраста.

Сам Войницкий, которому по меркам сегодняшнего дня лишь сорок семь лет, искренно грустит о прошедшей молодости, считает себя старым и подводит итоги своей жизни.

Одиннадцать лет назад была еще жива мать Сони. Скорее всего, она была младше своего мужа, у которого есть пристрастие к молодым девушкам. Когда она выходила замуж, ей могло быть 18–20 лет. Понятно лишь, что мать Сони скончалась меньше десяти лет назад, если Войницкий говорит, что встречал Елену Андреевну «у покойной сестры». Соне должно быть около двадцати лет или чуть больше, она оста-

лась без матери, будучи ребенком или подростком.

Астрову, как упоминается в пьесе, на вид 36–37 лет. Быть может, доктору около сорока, или он перешагнул этот рубеж. Марии Васильевне, скорее всего, 65–70 лет. Дядя Ваня ехидно замечает ей: «Но мы уже пятьдесят лет читаем и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж кончить». Скорее всего, «говорить и читать брошюры» Мария Васильевна начала совсем юной, лет в 17–20, и, по-видимому, это занятие было для нее увлекательнейшим на протяжении всей ее жизни.

* * *

Пьеса «Леший», послужившая основой «Дяди Вани», писалась Чеховым в усадьбе помещиков Линтваревых, недалеко от Сум, где семья Чеховых летом 1888 года снимала флигель. Усадьба Линтваревых была большой, с запущенным садом и традиционным домом с мезонином.

Хозяйкой имения была вдова, Александра Васильевна Линтварева. Семья, мать и ее пятеро детей, считалась культурной и образованной, имевшей передовые взгляды. Александра Васильевна гордилась, что в доме ее деда, А. Ю. Розальон-Сошальского, подолгу гостил знаменитый украинский философ и поэт Григорий Сковорода.

«Семья, достойная изучения. Состоит из 6 членов, – писал Чехов Суворину, – Мать-старуха, очень добрая, сырая, страдавшая вдоволь женщина; читает Шопенгауэра и ез-

дит в церковь на акафист; добросовестно штудировал каждый № «Вестника Европы» и «Северного вестника» и знает таких беллетристов, какие мне и во сне не снились; придает большое значение тому, что в ее флигеле жил когда-то худ(ожник) Маковский, а теперь живет молодой литератор; разговаривая с Плещеевым, чувствует во всем теле священную дрожь и ежеминутно радуется, что «сподобилась» видеть великого поэта».

Дети Линтваревой тоже отличались разнообразными дарованиями. Старшая, Зинаида Михайловна, была врачом и готовила себя к научной деятельности. Ее планам помешала тяжелая болезнь. Вторая дочь, Елена Михайловна, тоже была медиком. В имении Лука она усердно, как Соня в «Дяде Ване», занималась хозяйством и понимала его, по словам Чехова, «в каждой мелочи».

Подобно будущей героине «Лешего» и «Дяди Вани», Елена Михайловна мечтала о семейной жизни, в которой ей отказала судьба. «...когда вечерами в большом доме играют и поют, она быстро и нервно шагает взад и вперед по темной аллее, как животное, которое заперли... Я думаю, что она никому никогда не сделала зла, и сдаётся мне, что она никогда не была и не будет счастлива ни одной минуты».

Третья дочь, Наталья, кончившая Бестужевские курсы, построила в усадьбе за свой счет школу, где учила детей на родном украинском языке. Наталья была, по выражению Чехова, «страстная хохломанка» и ездила на могилу Шевчен-

ко, «как турок в Мекку».

Два брата Линтваревы тоже выбрали для себя особенный жизненный путь. Старший, Павел, был исключен из Петербургского университета и выслан в деревню под надзор полиции. «Второй сын – молодой человек, помешанный на том, что Чайковский гений. Пианист. Мечтает о жизни по Толстому».

Медицинская, образовательная, просветительская общественная деятельность, толстовство – в этом труды семьи Линтваревых отражали благородные искания российских интеллигентов второй половины XIX века. Однако подчеркнутая Чеховым печать «несчастливости» лежала на всех делах помещицы Линтваревой.

Каждый из них, при всем благородстве намерений и поступков, не довольствовался своей жизнью, но хотел служить великой цели или великому человеку, будь то Толстой, Тарас Шевченко или Чайковский. Своя жизнь, по-видимому, представлялась им слишком обыденной. Или же, как герои еще ненаписанной в 1888 году пьесы «Три сестры», братья и сестры Линтваревы были воспитаны родителями для особенной судьбы и особенной участи, однако по своим качествам и дарованиям были вполне обыкновенными людьми.

И лишь прикосновение к знаменитостям и известиям из мира значительных персон, которые черпались в журналах и разговорах с гостями, наполняло их жизнь особым смыслом. Пользуясь выражением Чехова из письма Суворину от

27 марта 1894 года об увлечении толстовством и личностью Толстого, дом интеллигентных тружеников Линтваревых, их душа всегда была открыта для «постоя» какой-либо идеи, философии или персоны.

* * *

Жажда кумира, которому можно было поклоняться, честолюбивое «ухаживание» за знаменитостью вызывало неизменно ироническое отношение Чехова. Тем летом 1888 года, когда Чехов впервые отдыхал в Луке, его навестил писатель Плещеев. В письме Суворину Чехов дал живую картинку ажиотажа вокруг известной персоны: «У меня гостит А. Н. Плещеев. На него глядят все, как на полубога, считают за счастье, если он удостоит своим вниманием чью-нибудь простоквашу, подносят ему букеты, приглашают всюду и проч. Особенно ухаживает за ним девица Вата, полтавская институтка, которая гостит у хозяев. А он «слушает да ест» и курит свои сигары, от которых у его поклонниц разбаливаются головы. Он тугоподвижен и старчески ленив, но это не мешает прекрасному полу катать его на лодках, возить в соседние имения и петь ему романсы. Здесь он изображает из себя то же, что и в Петербурге, т. е. икону, которой молятся за то, что она стара и висела когда-то рядом с чудотворными иконами».

Женское обожание знаменитости, истинное или небеско-

рыстное, — одна из тем пьесы «Чайка». Во втором действии актриса Аркадина даже читает отрывок из романа Мопассана «На воде», где речь идет о способах полонить известного писателя. В «Чайке» дамы вручают мужчинам букеты цветов, стоят перед ними на коленях, дарят медальоны с надписью: «Если тебе понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее!»

В повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» генеральша Крахоткина, много претерпевшая от мужа, домашнего тирана, сама превратилась в маленького семейного деспота и завела божка в лице непризнанного гения, приживала Фомы Опискина.

Природа трепетного отношения Марьи Васильевны Войницкой к профессору Серебрякову может быть сравнима с теми чувствами, которые питали героиню Достоевского.

Неслучайно две истории «русифицированного Тартюфа», написанные такими разными по своему мироощущению писателями, как Достоевский и Островский, содержат упоминание об одной и той же исторической персоне, некогда весьма популярной в Москве, — Иване Яковлевиче Корейше.

* * *

Иван Яковлевич Корейша (около 1780–1861) был известным в Москве юродивым и прорицателем. Он учился в семинарии, служил учителем, затем странствовал. Был помещен

в больницу для умалишенных, куда к нему стекались толпы жаждущих чудесных указаний почитателей и особенно почитательниц. Вывешенное Корейшей при входе объявление гласило, что принимаются лишь то, кто согласен вползти на коленях.

В комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», написанной в 1868 году, богатая московская вдова Турусиная слепо верит гадалкам, ворожеем и «святых странникам». К ним она обращается, чтобы решить судьбу своей племянницы, Машеньки. «Святые» и «праведные», равно как и приживалки в доме Турусиной, оказываются обманщиками, паразитирующими на доверчивости Турусиной. «Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко и просто было жить в Москве при нем. Вот теперь я ночи не сплю, всё думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибешься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем: съездила, спросила – и покойна».

О Фоме Опискине в повести Достоевского, опубликованной в 1859 году, сказано: «Мало-помалу он достиг над женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияние различных иван-яковлевичей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц».

Упоминается Корейша и в «Осколках московской жизни», хрониках молодого Чехова-журналиста: «В Москве есть

достопримечательность, о которой не упоминается ни в истории, ни в географии, ни даже в «Путеводителе Москвы», а между тем эта достопримечательность классична, как царь-пушка и как покойный Корейша...»

Разумеется, профессор Серебряков – никак не является юродивым или прорицателем, хотя его шурин, Войницкий, не скупится на такие эпитеты, как «шарлатан» и «ученый маг». Однако само возвеличивание достаточно заурядного человека и превращение его в домашнего божка – явление, занимавшее русских литераторов второй половины XIX века и имевшее истоки в реальности.

* * *

Мария Васильевна Войницкая, чья юность и молодость пришлась на пятидесятые-шестидесятые годы XIX столетия, часто кажется героиней без возраста и даже без прошлого. Между тем, принадлежность к поколению и конкретному времени важна для героев Чехова. В «Вишневом саде» помещик Гаев, пытаясь выразить самое важное, что характеризует его, произносит почти нелепую и невнятную для современного зрителя фразу: «Я человек восьмидесятых годов... Не хвалят это время, но всё же могу сказать, за убеждения мне доставалось немало в жизни».

Войницкая 50 лет читает брошюры и, как выражается ее сын, «лепечет» об эмансипации и заре новой жизни. Бес-

спорно, если Гаев – человек 80-ых годов, то взгляды и ценности Войницкой сформировались в 50–60-е годы XIX столетия, и с тех, по-видимому, не претерпели особенных изменений. Увлечение проблемой эмансипации, равно как и поиски «новой жизни» были в эпоху юности и молодости Марии Васильевны веяниями эпохи, новейшей, прогрессивной философией – русское общество стояло на пороге либеральных перемен.

Женская эмансипация стала одной из многих примет эпохи перемен пореформенной России. В 60-е годы XIX века появились женщины, демонстрировавшие новый тип социального поведения. Зарю «новой жизни» они видели в возможности освоения традиционно мужских профессий, получении высшего образования, просвещении народа, революционной деятельности.

В конце пятидесятых годов женщины впервые начинают посещать как слушательницы университетские лекции, хотя само высшее образование оставалось для женщин закрытым. Знания и диплом они должны были получать за границей. В либеральных столичных и провинциальных кругах было модным поддерживать знакомства с «прогрессивными» женщинами, да и они, в свою очередь, искали единомышленников и людей передовых взглядов.

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1861), который вызывал восхищение Чехова, дан пародийный образ «эмансипе» – помещицы Кукшиной. Тургенев высмеивает диле-

тантизм провинциальной дамы, ее увлечение «умными» статьями и «гениальными господами». С ее уст не сходят имена Маколя, Мишле и Прудона.

Мария Васильевна, увлекавшаяся в юности модными теориями и вопросами, вполне могла увидеть в начинающем ученом выдающуюся, особенную личность, нового Базарова. Можно предположить, что она была давно готова к такой встрече, и Серебряков лишь оказался подходящим «героем». Таким образом, истоки драмы Ивана Петровича Войничского, его желания разобраться, чем же околдовал его на долгие годы «ученый маг» и «шарлатан» коренятся не только и не столько в личности Серебрякова. Но в желании его деспотичной матушки строить свою жизнь и жизнь своих близких в соответствии с выдуманным ею служению великим идеалам.

* * *

Штудирование всех выходящих толстых журналов, домашние приемы, на которые приглашались профессора и литераторы, жажда приобщиться к миру людей великих и особенных – это и было, по-видимому, отрадой жизни помещицы Линтваревой. Такой, какой она предстала Чехову летом 1888 года. В доме Линтваревых бывали представители научной интеллигенции – историк А. Я. Ефименко, профессор В. Ф. Тимофеев, известный экономист-публицист

В. П. Воронцов. Чехов познакомился и с Тимофеевым и с Воронцовым. Тимофеев рассказывал писателю о своей научной деятельности, сравнивал немецких и российских ученых. В. П. Воронцов был теоретиком народничества, в 1882 году опубликовал книгу «Судьбы капитализма в России». О Воронцове Чехов написал так: «К Линтваревым приехал полубог Воронцов – очень вумная, политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России...» В процессе знакомства мнение писателя о знаменитом народнике менялось, однако, характерна здесь ирония Чехова над излишне серьезным отношением Воронцова к самому себе и своей миссии. «Человечина угнетен сухою умственностью и насквозь протух чужими мыслями, по всем видимостям малый добрый, несчастный и чистый в своих намерениях». Безусловно, знакомство с учеными гостями лучанской усадьбы, разговоры о науке, о «спасении России» преломились в образе профессора Серебрякова и в повести «Скучная история», которая писалась практически одновременно с пьесой «Леший».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.